

Средиземноморская одиссея лейтенанта Корнилова

Речь пойдет о будущем герое обороны Севастополя Владимире Алексеевиче Корнилове, который в феврале 1853 г. находился в свите чрезвычайного посла в Константинополе князя А.С. Меншикова.

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся интереснейшие материалы по подготовке Крымской войны. Дело, озаглавленное «Посольство адмирала князя Меншикова в Константинополе и разные сведения о Турции», включает проекты захвата города на Босфоре с моря и с суши, различные разведанные и карты, многие из которых подписаны генерал-адъютантом Корниловым¹.

19 марта 1853 года им был составлен текст, содержащий подробную информацию о турецком флоте и «заведениях для флота» — доках, мастерских, эллингах, «чугунно-плавильном и вместе пароходном заводе», пушечном дворе топ-хане, «составе и содержании команд». К этой записке приложены карты и планы, например, «План Константинопольского адмиралтейства», в основе которого лежал план, снятый в 1845 году капитаном 1-го ранга Манганари, и исправленный Корниловым в соответствии с современным ему состоянием².

Судя по всему, в преддверии назревающего конфликта турецкая сторона решила продемонстрировать русским задирам свою боевую мощь, и для российской делегации была проведена своеобразная экскурсия. Наших военных и дипломатов сопровождал главный помощник руководителя «правления всех казенных заводов», «всей артиллерии и инженеров» Намика-Паши, который «долгое время был в Лондоне, Париже и Петербурге», «начальник парового завода Галиль Паша», «обучавшийся, — как пишет Корнилов, — 6 лет в Англии, и понимающий совершенно горное дело»³. Местные специалисты дополняли осмотр комментариями, призванными умерить воинственный пыл русских. Например: «При посещении адмиралтейства нам сказывали, что в Адриатическом море, у

берегов Далмации находится один фрегат, два корвета и четыре парохода от 450 до 120 сил, и что в Никомедии заложен трехдечный винтовой корабль, по плану французского корабля Charlemagne»⁴.

Корнилов фиксирует информацию с точностью и тщательностью профессионала высочайшего класса. Он пишет, из каких именно судов состоит турецкий флот в Босфоре и Золотом роге, каков их размер и оснащенность орудиями, какому ремонту они подвергаются и готовы ли к выходу в море. Особое внимание русского вице-адмирала привлекли пароходо-фрегаты⁵, имевшие помимо парусов паровой двигатель и гребные колеса. Корнилов отмечает, сколько в их двигателях лошадиных сил, какого калибра на борту пушки.

Российская делегация была допущена и на военно-морские суда своего вероятного противника. Корнилов пишет: «О состоянии флота можно с достаточною достоверностью судить по кораблю Махмудие и пароходу Фети-Бахрие, на котором мы были»⁶. От опытного глаза военного моряка не ускользнуло то, что суда снабжены новыми английскими орудиями. «Калибры показаны приблизительно, по наглядной величине ядра, — почти что извиняется Корнилов. — При расспросах об этом на корабле, турки почти всем отвечали различно; или они сами хорошенько не знали, или хотели обмануть гяуров»⁷.

Он подмечает, где хранятся снаряды, где висят банники и приборники и какого они качества: «банники щетинные, щетина страшно неровна и редка»⁸. Абордажное оружие, которое русским продемонстрировали, по оценке Корнилова, «хорошее ... и содержится в исправности», тогда как «весь такелаж ниже посредственного» и парусина весьма низкого качества. В отчете описано устройство корабля по отношению к расположению на нем команды: трюм, каюты, лазареты и т.д. Корнилов пишет, какой используют при строительстве судов лес, откуда его доставляют, где хранят и где обрабатывают; где изготовляют сухари для флота, какова производительность этого завода и величина госзаказа, который он должен

выполнить к маю 1853; сколько выпекли, сколько забрали и сколько еще не высушено ... В общем, для составителя этого отчета важно все, незначительных предметов нет.

Корнилов сообщает, насколько укомплектованы экипажи, удивляясь, что «все морские команды, по неимению казарм, зиму и лето живут на судах». «Команды вообще состоят из молодых людей, — пишет он, — на шлюпках они гребут хорошо; при тревоге с пушками управлялись проворно, хотя видно, что у них все внимание обращено не на правильность, а на согласность действия»⁹. Из последней фразы явствует, что русским показали также и элементы тренировок турецких военных моряков.

Известно, что в доме «больного человека Европы», как называли Османскую империю, год от года крепло влияние Великобритании. В течение 40-х годов английский экспорт в эту страну увеличился вдвое, к примеру, только хлопчатобумажных тканей Англия поставляла в Турцию в 43 раза больше, чем Россия. Это влияние не могло не проявиться и в военной сфере. «Офицеры и командиры судов, — продолжает свой отчет Корнилов, — исключительно турки, кроме англичанина Следа (Slade) капитана английского флота и контр-адмирала турецкого, он также имеет титул мушавер-паши, то есть инструктора, при нем есть помощник лейтенант английского флота Болерус – для обучения турок собственно морской артиллерии; другие иностранцы встречаются только между докторами и машинистами; последние преимущественно англичане»¹⁰.

Англичан он обнаружил и среди мастеров военных предприятий, оборудованных к тому же английской техникой. Станки и механические приспособления мастерских «артиллерийского двора» Топ-хане «новые, исправные и могут работать хорошо; все приводятся в движение тремя паровыми машинами Модслея и Фильда, выписанными не далее трех лет»¹¹. Корнилов пересчитал все лафетные, слесарные и кузнечные мастерские, указал, сколько в них станков и машин и какого именно они назначения; выяснил количество работающих в Топ-хане, режим их трудового дня и

размер жалования. «Рабочие на заводе наемные и из артиллеристов, ... иностранцев между ними мы не встретили».

Что же касается чугунно-плавильного завода, который был еще одним пунктом программы российских экскурсантов, то выглядел он, по словам Корнилова, «развалиной». «Собственно чугунно-плавильный завод брошен, ибо как кажется, попытка добыть годный для литья чугун из своей руды, получаемой из Самакова в Румелии или с Принцевых островов, оказалась безуспешною, что доказывает большой запас чугуна в слитках из Англии...»¹². И снова Корнилов не упускает случая уязвить британцев: «Рассуждая о побуждении, под влиянием которого такое обширное заведение было затеяно, тогда как существовало уже подобное и вполне по своим размерам соответствующее нуждам правительства в адмиралтействе, невольно рождается мысль, что оно относится к одной из тех английских спекуляций, с которыми эти неутомимые торгаши являются везде, где есть пожива»¹³.

Корнилов давно был причастен к военной разведке, действовавшей против Турции. К тому же он служил по ведомству, одной из ключевых фигур которого был великий князь Константин Николаевич, с детства воодушевленный идеей водружения креста над цареградской Святой Софией. Сохранились его детские рисунки, иллюстрирующие пушкинскую «Песнь о вещем Олеге». На одном из них русский витязь ведет бой на фоне величественного храма. На другом, Олег, взобравшись на лестницу, прибывает щит к воротам покоренного города — как гласит подпись, «Олег прибывает щит в Константинополе»¹⁴.

Чтобышний раз убедиться в шпионских талантах Корнилова, стоит вспомнить события Египетского кризиса 1831 года.

Турецкий губернатор Египта Мехмед-Али решил создать независимое государство. Войска под командованием его сына Ибрагима-паши наголову разбили турецкую армию под Конией и двинулись на Стамбул. В середине января 1833 г. перед входом в Дарданеллы появился египетский флот. В

общем, положение Османской империи было критическим. Султан взывал о помощи.

Но Франция заняла сторону Мехмеда-Али, он и армию свою реформировал с помощью французских инструкторов. У Англии были свои проблемы. И, не получив помощи, от европейских держав, султан Махмуд II обратился к России. В феврале 1833 г. эскадра Черноморского флота вошла в Босфор, и русский экспедиционный корпус расположился на азиатском берегу в долине Ункяр-Искелеси.

Вмешательство России вынудило египетскую армию приостановить наступление. Вскоре при участии российских дипломатов было подписано соглашение, согласно которому в обмен на формальное признание власти султана Мехмед-Али получал под управление Сирию, Палестину и Аданский пашалык. Египетские войска были выведены из Анатолии, а русские покинули берега Босфора.

В память об этих событиях в Ункяр-Искелеси установили камень (по-турецки он называется «Москов-таш», камень московитов). Надпись на нем гласила: «На это поле приходили гостями русские войска **и ушли...**». А между империями было подписано соглашение, которое смело можно назвать вершиной русской дипломатии николаевского царствования. Согласно этому оборонительному договору (сроком на 8 лет) державы должны были в случае необходимости оказать друг другу военную помощь. Секретные статьи гласили, что Россия отказывается от военной помощи Османской империи, а взамен турки закрывают Дарданеллы для военных судов всех других стран. Черное море становилось для потенциальных противников России недоступным!

Но это другая история, мы же вернемся к Корнилову, участие которого в Босфорской экспедиции было весьма своеобразным. Пока русские стояли в виду Константинополя, был создан ряд замечательных памятников картографического искусства и не менее замечательных стратегических документов.

Накануне экспедиции ее руководитель контр-адмирал М.П. Лазарев начал тщательный отбор офицеров, которых он лично знал по совместным походам и которым мог всецело доверять. 7 марта 1833 г. он писал командующему Черноморским флотом и портов А.С. Грейгу о только что переведенном на Черноморский флот Корнилове: «Он отличный офицер и совершенный джентльмен. Он назначен в 34 экипаж. В случае его прибытия я буду чувствовать себя лично обязанным в[ашему] пр[евосходительст]ву, если Вы поручите его под мое начальство (**по особым поручениям**) и прикажете, чтобы он был прислан сюда с первым транспортом или другим судном, которое присоединится к эскадре»¹⁵. 25 марта 1833 г. лейтенант Корнилов прибыл в Константинополь и поступил для дальнейшего прохождения службы на флагманский корабль «Память Евстафия».

Дальнейшие события развивались стремительно. Командующий сухопутными войсками генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев 30 марта командирует полковника Генерального штаба А.О. Дюгамеля и инженер-полковника К.И. Бюрно в Дарданеллы для изучения крепостных сооружений. Вместе с ними М.П. Лазарев отправил лейтенантов Владимира Корнилова и Евфимия Путятина, которым предписывалось обратить особое внимание на средства береговой обороны, имеющиеся в распоряжении турок, а также добыть информацию об огневой мощи турецких батарей. Предлог очевиден — а вдруг прорвется египетский флот, надо же проверить, насколько надежна защита!

В своём рапорте от 1 апреля 1833 г. М.П. Лазарев докладывал начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову (который нам уже встречался в качестве чрезвычайного посла в Константинополе в 1853 г.): «...Генерал-лейтенант Муравьев пользуясь приязнью турецкого правительства, отправляет генерального штаба полковника Дюгамеля и инженер-подполковника Бюрно в Дарданеллы для обозрения находившихся там крепостей, для чего назначенный мною фрегат “Эривань” сего числа туда

отправился, который и высадит означенных чиновников в Галлиполи и по окончании ими порученностей доставит их обратно. На сем же фрегате отправил я лейтенантов Путятин и Корнилова как для получения более подробных сведений о лучших якорных местах, отмелях и течениях, в Дарданелльском проливе существующих, так равно и для исправления бывшей доселе карты сего пролива, предписав им обозначить на оной все укрепления азиатского и европейского берегов, число орудий и калибр оных и, наконец, обратить внимание на те средства, которые турки имеют для береговой защиты сих укреплений в случае, что египетские войска решились бы атаковать оные»¹⁶.

Составленная Корниловым и Путятиным «опись» береговой линии Дарданелл стала основой для создания беспрецедентной подробнейшей карты укрепленной части пролива. Этот стратегический документ, изготовленный в 1833 г. и гравированный в 1840-м, ныне хранится в Государственном историческом музее (ГИМ-89960; ГО-4373).

Среди сокровищ отдела картографии ГИМ имеется еще один замечательный графический памятник, созданный теми же авторами — «Карта укрепленной части КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПРОЛИВА, снятая в 1833-м году во время пребывания Российской Эскадры в Босфоре» (ГИМ-89960; ГО-4375). Помимо нанесения точнейшего рельефа местности с дорогами и прекрасной топографией поселений на берегах Босфора (не забыты даже сады и огороды), на карте показаны промеры глубин, указаны направления течения, отмечены якорные стоянки, мели и рифы, имеются пояснения, которые касаются характера морского дна. Этот стратегический инструментальный документ отражает все оборонительные возможности крепостей, укреплений и артиллерийских батарей в проливе: сектора и дальность обстрела, количество орудий и качество зарядов.

Эти карты, несомненно, изготавливались не только и не столько для противостояния египетскому флоту. Мечта о господстве над Черноморскими

проливами жила в сознании государственной элиты со времен Византийского проекта Екатерины Великой, составляя суть «Восточного вопроса» внешней политики Российской империи.

Лейтенанты Владимир Корнилов и Евфимий Путятин за блестящее выполнение задания были награждены первый орденом Св. Владимира IV степени, второй — орденом Св. Станислава III степени, а также золотыми медалями «малой величины» от турецкого правительства¹⁷.

Путятин прожил долгую, насыщенную жизнь, прославившись на дипломатическом поприще, а Корнилов получил смертельное ранение на Малаховом кургане во время первой бомбардировки Севастополя 5 октября 1854 года. Последние слова русского адмирала, адресованные защитникам города, — «Отстаивайте же Севастополь!».

---

¹ 2 октября 1852 г. Владимир Алексеевич Корнилов получил чин вице-адмирала с назначением генерал-адъютантом свиты его императорского величества.

² ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 9—28.

³ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 26—26 об.

⁴ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 12.

⁵ К началу Крымской войны в составе Российского флота имелось 16 паруснофрегат.

⁶ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 12 об.

⁷ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 13.

⁸ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 14—14 об.

⁹ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 27.

¹⁰ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 27 об.

¹¹ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 25.

¹² ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 22.

¹³ ГАРФ Ф. 722. Оп. 1. Д. 197. Л. 23 об.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 917. Л. 71—71 об., опубликовано в книге: «Изобразительные материалы XIX — начала XX века. Каталог собрания. Рисунки членов российской императорской фамилии». СПб. 2012. С. 210—2011.

¹⁵ Лазарев М.П. Документы. М. 1955. Т. II. С. 69—70.

¹⁶ Лазарев М.П. Документы. М. 1955. Т. II. С. 91—92.

¹⁷ Веселаго Ф.Ф. Общий Морской Список. Часть VII. СПб. 1893. С. 298—299; Часть. VIII. СПб. 1894. С. 86—90.